ОТЩЕПЕНЦЫ
18+
Марина Бонд

Марина Бонд

Отщепенцы

«ЛитРес: Самиздат»
2019

Бонд М.

Отщепенцы / М. Бонд — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0074-9

Скромная послушница монастыря с ангельской внешностью и нелюдимый бывший заключенный с изуродованным лицом. Они из разных миров, с разными взглядами на жизнь, разной идеологией. Она не нашла себя в мирской жизни и посвятила духовной, он – конченный асоциальный элемент. Но вопреки законам природы София и Ян нашли друг в друге смысл жизни, дали друг другу еще один шанс начать новую, лучшую жизнь. Только… беда приходит, когда совсем ее не ждешь…Обложку создала А. Ряпасова-Куц.

ISBN 978-5-5321-0074-9

© Бонд М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 13
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 24
Глава 8 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Глава 1

Ян боксировал на импровизированном ринге на спортивной площадке, как завелось в последние месяцы, вымещая в своих ударах всю злость, раздражение и даже обиду на несправедливые повороты его злосчастной судьбы. Ему снова в который раз отказали в чертовом УДО. Он нанес серию коротких резких ударов своему противнику, утоляя жажду крови. Никаких боксерских перчаток тут не было и в помине, а потому слабая защита рук в виде нескольких слоев эластичного бинта плохо справлялась со своей задачей, и костяшки пальцев разбивались и опухали, хоть и не так сильно, как без бинтов. Разумеется, к противнику Яна его разъяренное чувство никак не относилось. Вот будь на его месте начальник колонии…

Мощный свинг достался парню, как только Ростовских представил на его месте Васнецова. Чертов ублюдок ненавидит каждого зэка, и Ян не сомневался – это он ставит «палки в колеса». Инна, должно быть, накатала телегу и не одну против такой вопиющей несправедливости. Ростовских отсидел четырнадцать лет! Черт возьми, этого более чем достаточно за ошибку молодости, которая выплеснулась бесконтрольным потоком ярости на подонка, что посмел обидеть его малышку. Короткая вспышка воспоминания о том дне на миг оборвала его связь с реальностью, и он пропустил хук. Губа разбилась о зубы, понятно, ни о какой капе здесь и не слыхивали. Он ответил перекрестным ударом и бой продолжился.

Инна. Сестренка. Единственный родной человек, ждущий его освобождения не меньше его самого. Только она и суетилась все последние годы, возобновляя учебный процесс и восстанавливая библиотеку с учебными материалами, чтобы дать ему возможность закончить прерванное образование. У него давно опустились руки, но он был бы конченной неблагодарной скотиной, упусти этот шанс. Потом вошел во вкус и продолжил учебу по другому профилю, но не доучился – Инну поперли, ее место занял тупой валенок, и все снова прохерилось. Как всегда, при мыслях о сестре, он плавился как сыр на солнце. Вот и сейчас, отвлекшись на секунду, он пропустил нехилый апперкот. Зубы клацнули, и этот звук был сродни щелчку кнута, что подстегнул его. Ян ответил не менее слабым кроссом и поединок продолжился.

Васнецов, этот ушлый баклан, делает все, чтобы зэки загибались в его «строгаче», сходили с ума от вынужденного терпения скотского общества, которое они не выбирали в свое окружение, но не имели других альтернатив. Потому Ян предпочитал отпахивать по две смены подряд на машиностроительном производстве, изнуряя себя трудом, избегая угнетающей атмосферы, что царила в бараках и подавляла его и без того затравленную психику надломленного подневольного человека.

Еще год. Всего год продержаться в этом адовом месте и все закончится. Мысли об относительно скором освобождении снова отвлекли его от поединка, и он пропустил прямой удар в голову. Он отступил и помотал головой, от чего слюни, кровь и капельки пота разлетелись в разные стороны. Собрался с силами и хотел продолжить, но наступило время отбоя и мужчины побрели в барак.

На следующий день его вызвали в кабинет начальника колонии прямо с завода. Выдали его старые вещи, документы, справку об УДО. Велели быстро собираться, и чтобы к вечеру духу его здесь не было. Ростовских растерялся от такого внезапного поворота событий и, не отличаясь многословием, впился угрюмым взглядом исподлобья в Васнецова, молча требуя разъяснения ситуации.

У Олега Дмитриевича не было абсолютно никакого желания разводить бодягу с этим арестантом. Тем более после того, как ему утер нос какой-то наглый адвокатишко-сосунок, который вгрызся в это дело, словно его собственная свобода зависела от решения суда. Васнецов хотел настоять на задержании заключенного в лагере еще на десять дней до возможного обжалования прокурором решения суда, но адвокат пригрозил подать в суд на администрацию

колонии за неправомерность сиих действий. Он смотрел в упор тяжелыми бесцветными глазами на Ростовских и видел, как содрогнется мир, когда этот шакал со шрамом на пол морды выйдет из клетки. От этого замкнутого, себе на уме, мужчины можно ожидать чего угодно – в тихом омуте, как говорится… Васнецов преждевременно смаковал вкус своей победы, когда тот оступится на воле – в этом он не сомневался – и вернется. Вот тогда он и отыграется за пережитое ущемленное самолюбие, и спустит на него всех собак.

«Нассы в сапог и утони там» – мысленно ответил ему Ян, так и не дождавшись объяснений. Молча взял свои вещи, развернулся и вышел сначала из кабинета, а потом и за пределы стен исправительного учреждения, где он провел чуть ли не половину своей жизни. На улице было хорошо – апрель полностью вступил в свои права и хоть грязные остатки снега еще кое-где виднелись, солнце пригревало по-весеннему тепло и ярко. Он не стал переодевать рабочую одежду и прямо в ней вышел за ворота. Его никто не остановил. Полной грудью вдохнул свежий воздух, так что ребра затрещали, и прикрыл глаза, вслушиваясь в щебет птиц. Надо бы позвонить Инне, обрадовать сестренку, хотя он сам еще не до конца осознал случившееся. Ворота с грозным щелчком захлопнулись за его спиной, но теперь этот звук не пугал его, ведь он остался по другую, вольную, сторону этих ворот. Посмотрел в одну сторону – пустынная автомобильная дорога простирается до горизонта. До дома пешком он точно не дойдет, надо звонить сестре. Ничего, немного прогуляется, а потом наберет. Спешить некуда. Сообразил, что дом в другой стороне, развернулся и… увидел Инну, которая стояла рядом с каким-то патлатым бугаем возле черного здорового пикапа.

Глава 2

Ян успел сделать только несколько шагов, как сестра налетела на него, чуть не сбив с ног. Он выронил сумку и крепко прижал к груди свою девочку. Она что-то неразборчиво лепетала ему в шею, но он не слушал. Он сполна наслаждался близостью с родным человеком, упивался безграничной возможностью обнимать ее, не ломая камеры наблюдения и не шарахаясь от любого подозрительного звука, во время их коротких встреч, когда она заправляла библиотекой. Полной грудью вдыхал ее чистый, свежий запах, зарывшись носом в ее отросшие волосы. Он обхватил огромными ладонями ее лицо и слегка отстранил от себя, пристально разглядывая. Смешно торчащий в разные стороны «ёжик» коротких волос уступил место женственным локонам, мягкими волнами пепельного отлива обрамляющих ее личико и спускающихся до плеч. Она стала выглядеть гораздо взрослее с такой прической. Да… время идет… его сестренка-сорванец превратилась в элегантную девушку. Ее доверчиво обращенное к нему лицо и огромные серо-зеленые глаза, как всегда, с любовью и обожанием распахнутые на старшего брата были полны слез, которые стекали по щекам непрерывным потоком. Подрагивавшие губы растянулись в счастливой улыбке, и она еле сдерживала всхлипы, чтобы в конец поглупому не разрыдаться в такой радостный день.

– Неужели ты всякий раз при виде меня собираешься плакать? – пошутил он. Инна хохотнула и снова крепко обняла брата, пряча на его груди не прошеные слезы. Она была поистине счастлива – два самых дорогих человека в ее жизни рядом с ней, теперь точно все будет хорошо! Постояв немного, она вытерла слезы об его робу и, отклонившись в кольце его рук, взглянула на него:

– Я так счастлива, Ян! Наконец-то ты на свободе! – потянулась и звонко чмокнула его в щеку. – Пойдем, я познакомлю тебя со своим мужчиной, хотя… – она загадочно улыбнулась и, взяв его за руку, повела к тачке.

Лишь подойдя достаточно близко, он узнал в этом посвежевшем и будто помолодевшем мужчине своего некогда собрата по несчастью. Он непроизвольно замедлил шаг и впился взглядом в… в… Беркутова! Точно – «Беркутов З.И.» значилось когда-то на его нагрудном значке. Но… как?! Инна и он?!? Инна не могла не знать, кто он и по любому видела его здесь. Ян перевел горящий взгляд на сестру и тихо, с угрозой, спросил:

– Ты хоть знаешь кто это?

– Разумеется. Это очень хороший человек, – ничуть не растерялась сестра.

– Он сидел в этой же колонии, – качнул головой в сторону ненавистного здания, – а сюда, знаешь ли, не за мелкое хулиганство попадают.

– Ян, – Инна остановилась перед братом и твердо посмотрела ему в глаза, – он отбывал срок наказания за убийство так же, как и ты. И его вины в том происшествии столько же, сколько и твоей. Пожалуйста, не суди о человеке, не зная о нем всей правды! А вы, насколько мне известно из достоверных источников, – намекая на Беркутова, горячо продолжала девушка, – близкими друзьями так и не стали и по душам пообщаться тоже не успели. Поэтому, я прошу тебя, уважай мой выбор. Я ведь твоя сестра, значит – адекватный человек, потому разбойнику в руки не дамся, – подмигнула она, откровенно подлизываясь.

– Судя по нашим родственничкам, нас трудно назвать такими уж адекватными, – оспорил ее утверждение Ян и увидел, как легкая тень на секунду омрачила милое лицо сестры. Ну, молодец! Нашел время ворошить прошлое! Он поцеловал ее в лоб, как бы прося прощение за свой язык, и направился к мужчине, теперь уже сам ведя Инну за руку.

Приблизился на расстояние вытянутой руки и окинул его придирчивым взглядом с головы до ног. В ответ получил прямой уверенный взгляд. Черт возьми, а малец совсем неплохо выглядит по сравнению с тем обритым чучелом, которого он помнил с лагеря. Подтянутый торс

и смелый разворот плеч, что угадывался под черной курткой, указывали на то, что парень не рухлядь. Очертания крепких ног под черными джинсами говорили о том же. Длинные темные волосы собраны в простой хвост на затылке – это, конечно, на любителя. Инна встала сбоку и с некоторой тревогой поглядывала на них, улавливая малейшие признаки проступающей агрессии или наоборот зарождающейся дружбы.

– Беркутов, – сказал Ян, словно пробуя это слово на вкус, перекатывая на языке, сопоставляя с образом Инны.

– Захар, – кивнул он, представляясь, и протянул открытую ладонь для рукопожатия. Вот он – момент истины.

Ян с секунду изучал равного себе самца по внутренней искрометной силе, которую выдавал горящий взгляд его темных глаз и решал, отнести его к вражескому лагерю или все-таки смириться с его присутствием в жизни самого дорогого ему человека, а значит и в своей. С другой стороны, кто он такой, чтобы указывать Инне, как ей поступать и с кем якшаться? Его не было в ее жизни долгие годы заточения, когда она взрослела в интернате, и он не принимал никакого участия в ее воспитании, так что сейчас поздно лезть со своими советами.

– Ян, – ответил мужчина крепким рукопожатием.

– С возвращением! – произнес тот слова, некогда сказанные ему самому в схожей ситуации. Оба услышали, как Инна шумно выдохнула, словно до этого сдерживала дыхание. Ян перехватил ласковый взгляд парня, обращенный на нее:

– Котенок, подожди нас в машине, пока мы курим. – Помог ей сесть в фургон и обернулся к Ростовских. Угостил сигаретой, и они закурили.

О чем протекал их разговор Инна, как ни силилась, разобрать не смогла. Мужчины говорили на приглушенных тонах, видно чтобы зазря не волновать девушку. Спустя некоторое время они сели в машину: Захар за руль, а Ян на заднее сиденье рядом с сестрой. Инна, шестым чувством поняв, что самый напряженный этап – момент знакомства – пройден, расслабилась и всю дорогу радостно щебетала, сообщая брату обо всех изменениях, как в своей жизни, так и вообще.

Захар поглядывал на Ростовских в зеркало заднего вида и на себе ловил его задумчивые взгляды. Став свидетелем их до умиления сентиментальной встречи, он впервые в жизни искренне пожалел, что у него нет родной сестры, которая обожала бы его с не меньшим пылом. Впрочем, ему грех жаловаться на недостаток чувств со стороны девушки. Она полюбила его, прочно и сильно, непонятно за какие такие заслуги. И Буркутов любит ее так, что будет мир стелить к ее ногам. И если одно из условий ее безграничного счастья состоит в том, чтобы мужчины поладили – он сделает все от него зависящее.

Вечером, заехав в город, Ян попросил отвезти его в квартиру покойной бабушки, которая по наследству перешла к нему. На что Инна, не скрывая, растерялась:

– Как?.. Я думала в мою квартиру. Там я все подготовила для твоего приезда. А здесь… я даже не была здесь ни разу за все это время! – ужаснулась девушка, представив сколько пыли там скопилось, и это не говоря о большем.

– Не переживай, маленькая. Это не главное.

– Почему ты не хочешь остановиться у меня? Мы с Заком живем в доме, и ты можешь пользоваться квартирой, сколько хочешь!

– Нет, – ласково, но твердо ответил брат. – Не хочу никого смущать или ущемлять своим присутствием.

– Ерунда какая! – отмахнулась Инна.

– Для тебя – может быть, – тяжело глянул на нее, и она прикусила язык. Зак пока не вмешивался в их беседу, но понял сразу – если понадобится, он поддержит Ростовских, памятуя как сам прятался за городом в первые дни своего освобождения, свыкаясь с новой обстановкой и заново учась жить в обществе свободных людей.

– Даже не знаю… – вслух продолжая сокрушаться, сетовала Инна. – Давай хотя бы денек перекантуйся у меня, а я здесь приберусь и элементарно хоть какую-то еду тебе приготовлю. Право, Ян, если б я знала о твоем желании, не пинала бы балду столько времени, корча из себя несчастную жертву нападения. Я бы скорее пришла в себя и занялась делом. Я бы… – девушка смолкла, сообразив, что сболтнула лишнего.

Как вулкан перед извержением дрожит, вздувается и нагревается, так и сам воздух в салоне автомобиля, казалось, завибрировал от накаляющегося напряжения. Хмурый взгляд исподлобья холодных, серо-стальных глаз Ростовских сверлил Беркутова через зеркало заднего вида, насквозь прожигая тихой, пока еще только зарождающейся яростью. Того и гляди зеркало вот-вот треснет.

Зак тяжело вздохнул. Он знал, что момент разбора полета обязательно наступит, но надеялся, что не вот прямо сейчас, в первый же день. Хотел отодвинуть его как-то на попозже, чтобы успеть приготовиться к неприятному разговору. Настроиться, что ли…

Они подъехали к указанному дому, и вышли из машины.

– Инна, поднимись пока в квартиру и посмотри, что там можно успеть сделать. Мы потолкуем и тоже придем, – обратился Зак, мягко подталкивая упирающуюся девушку к подъезду. Инна не смела перечить ему, но все же с опаской оборачивалась на них, пока уходила. Ян не сводил напряженного взгляда с Беркутова.

Окна выходили на другую сторону, и она при всем желании не могла видеть, как между ними протекает беседа. От волнения она начала метаться раненым кабанчиком по всей квартире, сметая мусор и остатки давно испорченных продуктов в пакеты и стирая пыль. Она помыла полы, перестелила постельное белье, составила список необходимых продуктов, а от них ни слуху, ни духу. Уже ночь накрыла своим темным покрывалом город, а их все нет. Девушка всерьез начала тревожиться и, когда решила спуститься к ним, в коридоре появился хмурый Ян. Скинул ботинки и, не глядя на Инну, прошел в кухню утолить жажду. Следом зашел Зак, и она ахнула, увидев огромный фингал, разбитую губу и ссадины на всем лице любимого. Он тоже скинул обувь и прошел в ванную умываться. Инна проследовала за братом. У того были сбиты кулаки в кровь. И все! Выходит, он тупо избивал Зака, а тот и не думал отвечать. Она обратила на него укоризненный взгляд:

– Что произошло?

– Мы поговорили.

Инна тяжело вздохнула:

– Это *так* теперь разговаривают?! – указала хмурым взглядом на его руки. В ответ тишина. Она раздраженно клацнула языком и ушла в машину за аптечкой. В квартире, если и была, то наверняка с давно истекшим сроком годности.

Оба курили на кухне в гнетущей тишине, когда она вернулась. Обработала открытые раны Захара и позаботилась о поврежденных руках брата. Затем они затарились продуктами в круглосуточном супермаркете, там же взяли вещи первой необходимости. Оставили Ростовских в квартире, а сами уехали домой.

Всю дорогу Инна, молча, сжимала руку любимого, сожалея, что случился этот инцидент. Зак знал, что непременно отхватит от Ростовских за непростительный недосмотр за девушкой. И отхватил. И даже не огрызался, соглашаясь, что вполне заслужил все обвинения в свой адрес. Он рассказал тому все без утайки – и за что сидел, и за что изнасиловали Инну. Вот только про предстоящую свадьбу сказать пока не успел и надеялся, что это новость будет встречена без рукоприкладства.

Глава 3

Наконец-то Ян остался один. Он прошел в комнату, сел прямо на пол, прислонился спиной к дивану и положил руки на согнутые в коленях ноги. Тишина. Долгожданная, необходимая тишина, в которой он так остро нуждался бесконечно долгие годы заключения. Он закрыл глаза и прислушался – тихо. Нет звуков работающего телевизора, нет разговоров или смеха сокамерников, нет шума производства, нет монотонного гудения голосов под бряцанье столовых приборов. Нет этих постоянных, ни на секунду не смолкающих, непрерывно сменяющих друг друга различных звуков, которые раздражали Яна до крайности. Но будучи не в силах что-либо изменить, он закрывался, замыкался в себе еще глубже, стараясь отрешиться от нервирующей его обстановки и людей.

Как же он устал от них! Вечно всем недовольные и брюзжащие. Или живущие по каким-то своим принципам, формируя жизненные устои, ведомые им одним и рознящиеся с общепринятыми. Или, наоборот, влачащие абсолютно аморальное и безнравственное существование. Они все каждый раз беспардонно врывались в его личное пространство, нисколько не беспокоясь о том, хочет ли сам Ян того. Не спрашивая его разрешения, не проявляя ни малейшего уважения к его приватной зоне, они нарушали ее целостность, с большим трудом собранную по кусочкам, своим нежелательным присутствием в ней. Просто потому что так делали все за неимением иного выбора. Так заведено в любом обществе: люди не думают, хочет ли человек быть вовлеченным в бурный поток жизнедеятельности – его без спроса туда затягивают, полагая, раз он пришел в общество, значит, нуждается в социализации.

Эта песня не про Яна. Он всегда сторонился любой чрезмерной общественной активности, слишком больших и шумных компаний, собраний, даже концертов. Еще на воле, будучи студентом, он старательно избегал шумных тусовок, молодежных вечеринок. Он даже есть предпочитал в одиночестве, всегда отказываясь от предложений одногруппников составить им компанию. Без сожалений пропускал концерты или массовые праздники именно потому, что не переносил вторжения в свое частное пространство. Как же тяжело ему пришлось перестраиваться под лагерный уклад, перекраивая свои желания и привычки под заведенный и годами отложенный механизм системы исправительного учреждения.

И вот, наконец-то, его оставили одного. Вытрепали, вытравили всю душу, истребили остатки скудных эмоций, выморили интерес к жизни и оставили в покое, в тишине. Завтра наступит обычный будний день, люди засуетятся на учебу и работу. Начнется повседневная суматоха, в которой такие личности, как Ян (а он был уверен, что не один такой) потеряются, захлебнутся и растворятся в безликой толпе. Для большинства людей жизнь потечет своим чередом, а для Ростовских наступит переломный момент. Собственно, он уже наступил, когда его вот так внезапно выставили за стены лагеря. И снова круто изменили его жизнь, не спрашивая его самого, снова сломали его более-менее устоявшийся уклад тюремной жизни, под которую хотел – не хотел, а подстроился. И что сейчас делать? Куда податься? Сестренка выкружила справку о найме на работу, но то было полгода назад. Теперь-то он кому нужен?

Ян с силой провел ладонью по лицу и открыл глаза. Встал и прошел в кухню. Открыл пакет молока, налил в стакан и осушил его залпом. Еще в магазине, когда увидел на прилавке, ему дико захотелось молока, и он набрал несколько пакетов. Налил еще стакан, подошел к окну и закурил, не торопясь, смакуя вкус свободной сигареты и молока. Что делать и как жить дальше, он подумает завтра, а пока будет получать удовольствие от тишины и темноты ночи.

Налил еще молока, выключил свет, пододвинул стол к окну и сел прямо на него, чтобы сполна насладиться бледным мерцанием звезд, впитать в себя шепот ночи, погрузиться с головой в спокойное, безмятежное пространство темноты…

Всю неделю Ян упивался тишиной по ночам и отсыпался днем. Лишь через неделю он впервые вышел из дома за продуктами и одеждой, сообразив, что обычной, гражданской, такой, чтоб по размеру, у него и нет. Он не стал заморачиваться насчет нового телефона и прочих современных гаджетов – старый есть, звонит и ладно. Так протекали его дни: медленно, монотонно, кому-то может показаться смертельно скучно. Но он менял свои привычки, приспосабливался к новому укладу жизни, притирался к новому окружению, адаптировался, в общем. Чем дольше он оставался в современном свободном обществе и чем больше к нему приглядывался, тем сильнее крепло его желание сменить место жительства и тем неудержимей его тянуло уйти подальше от людей, от шума и гама, что они создают на пустом месте.

Он вспомнил, с тихим скрежетом сердца, ибо воспоминания те были крайне тягостные и болезненные, но все же вспомнил о доме на краю небольшой деревушки, что когда-то купил его отец и перевез туда всю семью. То смутное, тяжелое время, когда переворот страны государственных масштабов затронул всех без исключения жителей, обрушив на их плечи небывалую доселе разруху, отобрав много нажитого ценного имущества тем самым сильно подкосив их. Многие люди лишились зажиточной жизни и накопленных благ. Вот и его отца коснулся тот кризис, вынудив продать роскошную просторную квартиру в городе, чтобы рассчитаться с долгами, и купить полуразвалившуюся халупу в глухой деревне. Это его здорово подкосило. Он стал беспробудно пить и поднимать руку на мать, носившую тогда под сердцем Инну. Все это происходило на глазах у девятилетнего мальчика, который не мог повлиять на безобразное поведение своего отца, но быстро понял, что когда его не видно и не слышно, отец не кричит на мать за наличие голодных ртов в их бедственном положении. Родилась сестра, и если Ян помнил времена, когда они жили в квартире в мире и ладу, и отец души не чаял в матери, то сестра не видела даже бледной тени тех добрых отношений. Она росла в гнетущей атмосфере упреков, обвинений, слез и рукоприкладства. Только брат являлся ей поддержкой и опорой.

Ян же с каждым прожитым кошмарным днем все больше укреплялся в желании покинуть этот дом и сменить имя, чтобы никак, даже по документам, не быть причастным к извергу, в которого превратился его слабый духом, немощный отец. Он подрастал, крепчал и стал защищать мать, заступаясь за нее перед отцом. Она всегда была доброй, мягкой, уступчивой и ведомой женщиной. Шла за отцом в хорошие времена, и не смогла его оставить, когда он запил. Лишь когда сын научился давать сдачи отцу, тот стал реже поднимать руку на домочадцев. Мать, каким-то чудом еще тогда убедила его переписать дом на детей – Зоштич Яна Яковлевича и Инну Яковлевну.

Ян поступил в институт в городе и уехал жить к бабушке по материнской линии в квартиру. Младшая сестра слезно умоляла взять ее с собой, да только кто ее отпустит? Первым делом он взял себе девичью фамилию матери и ее же отчество. Имя оставил, потому, как им нарекла его мать, и оно ей очень нравилось. И так Ростовских Ян Ярославович стал учиться на профессию «инженер-строитель». Через год скончался отец, а еще через год мать повторно вышла замуж. Мужичок с виду был тихим, покладистым, учил детишек младших классов. Жизнь наладилась: Инна с отчимом ладила, Ян тоже, когда приезжал в гости на каникулы. Он подлатал дом, мать навела в нем уют, и получилось вполне неплохое, даже милое гнездышко. Потом у матери обнаружили раковую опухоль, и через некоторое время она ушла в мир иной. Тогда Ян решил перевестись на заочное обучение, чтобы работать и помогать семье. Кто бы мог подумать, что этот кроткий, скромный человек попытается изнасиловать свою же тринадцатилетнюю падчерицу? К тому времени Ян перебрался к ним и ездил в институт оформлять документы о переводе. Словно само провидение вмешалось в их судьбу, заставив его вернуться домой за забытыми бумагами и застать отчима в очень нелицеприятном положении.

Ян как с цепи сорвался. Впервые в жизни он озверел настолько, что перестал контролировать свои действия. Слезная истерика маленькой заставляла его наносить все новые и новые удары, пока мужчина не перестал сопротивляться и растекся по полу бесчувственным

окровавленным куском плоти. Он скончался в больнице от полученных травм, а Яна упекли за решетку. В двадцать два года жизнь молодого, подающего надежды специалиста в области строительства оборвалась. На четырнадцать лет парень словно выпал из обычной нормальной жизни. С горем пополам он доучился в лагере, но кому нужен его дырявый диплом и справка о трудовой, даже не по профилю, деятельности в колонии? Вот в чем вопрос.

Только спустя месяц его жизни на воле, Инна с Беркутовым нанесли ему визит, предварительно спросив разрешения по телефону. Сестренка… она всегда понимала его внутреннее состояние, тонко чувствовала его настрой. Но, сказать по правде, Яна несколько озадачило нехарактерно затяжное молчание с ее стороны. Может, это не она сама сдерживала свои порывы, а ее сдерживали?

Открыв дверь только прибывшим гостям и будучи тут же схваченным в плен тонкими руками сестры, Ян начал склоняться ко второму варианту. Когда она без умолка начала тараторить, выспрашивая о том, как он провел этот месяц и о его планах на будущее, окончательно уверовал в своем предположении. Догадываясь, чья это заслуга, он перехватил взгляд Беркутова и кивнул в знак благодарности. Тот без слов все понял – сам не так давно пережил подобную встряску – и ответил на кивок.

Инна накрыла стол и поставила специально испеченный по такому поводу пирог. После первого словесно-вопросительного штурма она подсбавила обороты и далее беседа протекала в более плавном ключе.

– Хочу съездить в деревню, поглядеть, что осталось от дома, – поделился своими планами Ростовских.

– В лучшем случае – половина дома, – уточнила Инна. – Я тебе говорила о том, что свою половину продала давно, сразу, как только вышла из интерната. И потом, за столько лет запустения не думаю, что хоть что-то от него уцелело.

– Вот я и подшаманю. Зря учился что ли?

– Ты хочешь переехать в деревню?? – вылупилась на него сестра.

– Почему нет? – пожал плечами брат.

– Да ведь это глушь! Ты там загнешься от тоски, скуки. От безработицы. От одиночества, в конце концов!

– Загнуться я еще в колонии должен был.

Инне нечего было на это возразить, и она с немой мольбой о поддержке воззрилась на Зака.

– Пускай едет, если хочет. Не вижу препятствий, – флегматично заметил он. – Мальчик взрослый, самостоятельный, чай, не пропадет. Нужна будет поддержка – свистнет, мы поможем.

Девушка, было, сникла, понимая, что их не переубедить, а потом подумала, что Ян, увидев в какое неподлежащее восстановлению убожество превратились те развалины, сам передумает и вернется в город.

Глава 4

В одной из темных страниц прошлого существовала загадочная организация, которая покупала детей бедняков и превращала тех в шутов, намеренно уродуя их внешний облик. Правда ли это иль вымысел достоверно не известно. Сам факт того, что эта ужасающая деятельность канула в Лету, успокаивал мирное население и давал им надежду на светлое будущее в развитом цивилизованном обществе, а посему детям даже не рассказывали о некогда творившихся бесчинствах, уберегая их неустойчивую психику от сильного стресса.

Детки росли, играли, социализировались, познавали мир. Кого-то отдавали в садик, с кем-то нянчились дома; кто-то часто болел, а с иным и бед не знали. Вольготная жизнь каждого сорванца продолжалась до тех пор, пока не наступал значимый возраст поступления в школу. А дальше этапы взросления, созревания и взрослая жизнь. Но, к сожалению, не каждый ребенок перешагивал эти рубежи: кто-то умирал, так и не познав всех прелестей жизни; кто-то оставался инфантильным на всю жизнь; а кто-то…

Они пришли в чувства примерно в одно время в огромной зале очень просторного особняка. В комнате лежало два больших татами, вблизи стоял стол с кувшинами воды и стаканами. На одном татами было десять девочек, на другом столько же мальчиков. Все они были неописуемо красивы. Оглядевшись и не узнав места, большинство бросились в слезы и стали звать маму. Всех без исключения мучила жажда, и кувшины с водой очень быстро опустели.

Спустя некоторое время, когда всеобщая истерика почти сошла на нет, так и не найдя ни достойного слушателя, ни утешителя, в залу вошел мужчина импозантной внешности. На нем был дорогой брючный костюм, начищенные до блеска туфли. Белые перчатки закрывали кисти рук, а полумаска скрывала верхнюю часть лица, нижняя была закрыта стильно выстриженной бородкой. Вместе с ним зашло еще четверо: с одной стороны женщина средних лет миловидной внешности и весьма некрасивый мужчина; с другой – зеркальное отражение первой пары: приятный мужчина и довольно страшная женщина.

Мужчина заговорил мелодичным бархатным голосом. Он представился как Хозяин. Сопровождающих его пар он представил как Наставников (красивых женщину и мужчину) и их Помощников. Хозяин приказал беспрекословно слушаться Наставников и подчиняться им во всем, чего бы те не потребовали, а также велел забыть о прежнем доме и смириться со своей новой участью. Он заверял, что это огромная честь и на их месте мечтает оказаться каждый ребенок. Их родители безмерно гордятся своими отпрысками, а потому не препятствовали тому, чтобы их отлучили от семьи, обучили грамоте и манерам, наставили на путь истинный и вывели в высший свет. Мужчина говорил очень ласковым, доверительным голосом, в то же время его тон был властным и никто из перепуганных ребят не осмелился ему возражать или задавать уточняющие вопросы. Затаенное дыхание двадцати малышей оглушило зал после его речи. Хозяин вышел и больше никто его не видел на протяжении всего года обучения…

* * *

Рухлядь, в которую превратился некогда вполне себе сносный дом, не оставляла места воображению, но и не настолько сильно смутила Яна, чтобы он перестроил свои планы. Обширные постройки рядом – вот что смутило его больше. Всю «картину маслом» он увидел еще с остановки, куда прибыл утренним рейсовым автобусом. Тоненькая полоска утреннего тумана стелилась в дали, но ясное небо над головой предвещало теплый день. Он провел всей пятерней ото лба к затылку и обратно, взъерошив чуть отросшие светло-русые с проседью волосы, и побрел к строениям.

Участок земли, насколько Ян помнил, был довольно большим – соток тридцать-сорок. Теперь же он был разделен на две части: на одной – густо заросшая сорная трава и покосивша-

яся постройка с обвалившейся крышей доживала свой век, на другой – раскинулся ухоженный огород с корнеплодами. Он простирался гораздо дальше за пределы некогда цельного участка и переходил в садовые кусты и насаждения. Несколько плодоносящих кустарников и теплиц, которые также виднелись на огороде, были очень ухоженными, прибранными, что свидетельствовало о надлежащем уходе за ними. Дальше от насаждений возвышалось строение из красного кирпича с позолоченными куполами на крыше, а за ним хозяйственные постройки, сараи и скотный двор. Перед главным входом в здание художественно выполненная арка. На ней табличка с надписью «Боголюбский Воскресенский женский монастырь».

«Ё-моё!» – самое безобидное восклицание, что пришло на ум Ростовских, глядя на это рукотворное чудо. Он всю жизнь был атеистом до мозга костей, а в колонии веры не прибавилось и подавно. Потому он крайне скептически относился к учреждениям подобного типа, считая их попросту сектой. Он проходил мимо монастыря по дороге к своему участку и не видел ни одного человека, занятого работой по хозяйству. Странно – только ежедневным трудом можно поддерживать в чистоте и порядке такую большую территорию. Дошел до заброшенного клочка земли, уродливым пятном выделявшимся на фоне остальной красоты и ухоженности, и оглядел придирчивым взглядом что вообще здесь можно сделать. Никакого забора, разделяющего участок, не было – просто визуально видно, где заканчивалась бесхозная земля и начиналась ухоженная. Ян закурил. Посмотрел в другую сторону от монастыря, туда, где некогда была деревня: там тоже несколько полуразрушенных заброшенных домишек с запустевшими огородами. Ростовских докурил, выкинул окурок и решительно шагнул в траву по пояс с твердым намерением пробраться к постройкам.

Ян и сам не заметил, как солнце перевалило за полдень. Он так увлекся разгребанием мусора, что ничего вокруг не замечал. Давно скинул куртку и рубашку – майское солнце нехило припекало – и усердно работал, голыми руками разбирая остатки строений и скидывая полусгнившие доски в одно место, чтоб потом вывезти весь мусор. В голове он уже прикинул, как все обустроит, и наметил план действий. Пот стекал по лицу, шее и груди, но он продолжал трудиться. Он был рад этому труду и с удовольствием, не жалея рук и спины, разбирал, по сути, старую жизнь для того, чтобы построить новую, лучшую.

– Бог в помощь! – услышал голос и обернулся на звук. Отер тыльной стороной руки пот со лба, заодно прикрывая глаза от солнца, чтобы увидеть обратившегося к нему человека. Мешковатая ряса и черный платок на голове выдавали в человеке скромного богослужителя женского пола. О возрасте судить, пока не брался. Маленькая отара и пастушья собака рядом с ним указывали на то, что хоть кто-то трудится из этой братии.

– Спасибо, – Ян пошел к человеку, продираясь сквозь высокую траву. Оторвал внимательный взгляд из-под ног и поднял его на человека. – Вы должно быть… – «ангел» закончил уже про себя.

Перед ним стояла девушка невысокого роста и непонятной комплекции под бесформенным одеянием. Но лицо… он в жизни не видел ничего прекраснее! Его черты можно было бы назвать идеальными, если б не коротковатый и совсем не по-монашески вздернутый носик. Высокие скулы красивой плавной формы обтянуты идеально гладкой кожей цвета благородного белого… мрамора. Именно это слово пришло на ум специалисту строительного дела. Но отливала она не холодным блеском бездушного камня, а светилась, словно изнутри, теплым матовым бархатом. Пожалуй, нижняя часть лица казалась тяжеловатой из-за большого рта и чересчур полных розовых матовых губ на фоне остальных аккуратных черт. Глядя на них, так и хочется провести по ним пальцем, чтобы убедиться в их мягкости и прочувствовать полноту. Кажется – надави чуть посильнее и из них потечет нектар, которым они наполнены. Сладкий, дурманящий, который можно слизать языком…

Ян перевел взгляд на глаза девушки, устыдившись своих плотских желаний по отношению к богослужебному лицу. Даже глаза цвета летнего предрассветного неба, когда еще не

до конца рассеявшийся туман смягчает резкость пронзительной голубизны, были необычной формы: большие, зауженные к внешним уголкам, обрамленные густой щеточкой темных ресниц. Такого же цвета брови, почти прямые, с легким изгибом на конце. Лоб и шею скрывал черный платок. Она смотрела на него прямо и открыто, ожидая, когда он закончит оборванную на полуслове мысль. Овечки щипали траву, заполняя незапланированную паузу в их переходе. Пес стоял у ног хозяйки и с интересом разглядывал Яна.

Он понимал, что как полоумный пялится на девушку и почти пускает слюни. Наверняка, отвлекал ее от дел и задерживал своим замешательством. Плевать. Он в жизни не встречал человека красивее и хотел получить эстетическое удовольствие от созерцания ее. Заметив, что девушка также внимательно разглядывает его, немного смешался, почувствовав себя настоящим Квазимодо на ее фоне. Безобразный шрам начинался от разорванной брови, пересекал щеку и терялся в многодневной щетине – его он заработал осколком разбитой тарелки, оказавшись в эпицентре разборки, что учинили зэки в столовой. Многочисленные шрамы от рассечений по всему торсу он приобрел, активно занимаясь боксом в последние годы. Да к тому же стоит тут полуодетый – не хорошо как-то… Она может и мужчин-то ни разу не видела, а уж полуголых и подавно. Но, не заметив на ее лице даже малейших признаков брезгливости, он успокоился. Лишь нескрываемое удивление и легкий интерес в глазах. И что-то еще… что-то неуловимое, чему он никак не мог найти определения. Ростовских прочистил горло:

– Вы должно быть… эээ… монахиня? – приподняв целую бровь, попытался угадать. Он не был силен в этих терминах. Губы девушки растянулись в улыбке. Он снова залип на них: вот-вот, сейчас они лопнут, и из них потечет нектар, который Ян не без удовольствия поможет убрать. Своими губами. И языком.

– Я – сестра София, послушница. На сегодня мое послушание заключается в том, чтобы собрать овец, не всех, конечно, и остричь их, пока остальные наносят визит Матушке-настоятельнице в больнице святого Георгия. Она не так давно потеряла равновесие и упала, сильно повредив ногу. Перенесла тяжелую операцию по замене сустава, но теперь уже идет на поправку.

Ян не слушал. Он конкретно залип на ее полных мягких губах, откуда вылетали тихие звуки мелодично-низкого теплого голоса, обволакивая, окутывая его со всех сторон, даря неземное чувство блаженства. Губы перестали шевелиться. Он перевел взгляд на ее глаза и… утонул в них. Сообразив, что пауза снова затянулась от того, что он ведет себя как конченный тугодум, он тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Да это не монахиня, или как она там сказала, это – сирена!

– Значит, живешь и работаешь здесь? – качнул головой в сторону монастыря. Безошибочно определив ее возраст гораздо младше себя, он позволил себе дерзость перейти на «ты». Снова ее кроткая, но сводящая его с ума улыбка.

– Живу и несу послушание.

– Как давно?

– Уже лет пять как. Со дня основания монастыря. Как рассказывала игуменья Афанасия, продавался участок, рядом с которым было много свободной земли. Его и выкупили для постройки монастыря. Правда, не весь, а лишь половину. Владельца второй половины, как ни искали, найти не смогли.

Ян хмыкнул – сам черт ногу сломит, ища его там, где он торчал. Еще и под другим именем. Кстати, и ему придется повозиться с документами, восстанавливая право собственности.

На этот раз он вслушивался в слова, чтобы опять не протупить, а потому без пауз продолжил:

– Что с деревней стало?

– Вымерла, – просто ответила девушка, – молодые уехали в город, несколько стариков доживают свой век, а больше никого и нет.

Пес, что терпеливо стоял у ног хозяйки, подошел к Яну, обнюхал его стал тыкаться мордой в ладонь, требуя ласки. Тот потрепал его по загривку.

– Вы – хороший человек, – неожиданно выдало небесное создание, комментируя происходящее.

– Многие бы поспорили, – возразил Ян, выпрямляясь.

– Многие люди? Возможно. Но не животные. Они все чувствуют. – Снова что-то непонятное, нечитаемое в ее взгляде.

Словно в подтверждение ее слов две овечки подошли к Яну и стали тыкаться в его ноги, изучая поверхность штанов и пробуя на вкус их ткань. Овцы – самые пугливые создания на планете, и те не побоялись к нему подойти! Что правда – то правда. Ян всегда ладил с животными. Они тянулись к нему по одним им ведомым причинам.

– Могу я задать вам встречный вопрос? – дождавшись его кивка, девушка спросила, мило склонив голову на бок, – а вы кто?

Ростовских криво улыбнулся:

– Владелец второй половины участка. Намерен отстроиться здесь заново. Надеюсь, не омрачу своим соседством ваше женское поднебесное общество? – с некоторой долей сарказма в голосе, спросил он. «Как бы наоборот не вышло» – подумалось ему.

– Ни сколько, – улыбнулась девушка. Только глаза не улыбались. Смотрели прямо и открыто, но… черт! Да что же не так с ее глазами? – Но, вполне вероятно, вам скоро наскучит уединенная жизнь в этих заброшенных местах, и вы измените свое решение.

– Вряд ли.

– Время покажет, – философски заметила она, – а пока, могу я чем-то быть вам полезной? Может принести воды или?.. – она пробежалась глазами по его обнаженному, блестящему от пота торсу. День был жаркий, и Яна действительно мучила жажда. Он и сам не ожидал, что так увлечется, а потому не взял с собой никакой провизии.

– А есть молоко?

– Сейчас. – Она направилась в сторону монастыря, позвав пса, который улегся у ног Яна и подгоняя длинной жердочкой овечек.

Через некоторое время девушка принесла кувшин вкуснющего прохладного молока и ведро чистой воды с полотенцем для купания после работы.

– Вы так и не назвали свое имя, – напомнила она, наблюдая, как он жадно пьет молоко прямо из кувшина. Две капли не попали в рот и стекали тонкими струйками по подбородку, падали на грудь.

– Ян. А твое? – Она как-то странно взглянула на него и повторила свое.

– София, – смаковал это имя, пробовал на вкус, повторяя снова и снова, когда девушка уже ушла, и он продолжил свой труд. Потом смыл с себя пот водой из ведра и вытерся полотенцем, что так заботливо принесла София. Покоцанные израненные руки приятно охладились.

Только сидя в автобусе на обратной дороге, он понял, что было странного в ее взгляде – он был не по годам тяжелый и уставший, как у мудреца-старца. И он, этот тяжелый взгляд, никак не вязался с ее общим ангельским образом. Откуда такой взгляд мог появиться у молодой девушки, живущей под кровом и защитой монастыря? Ян бы не поверил, если б сам не видел, но… что есть – то есть…

Глава 5

Малышей разделили по гендерным признакам. Стайку девочек взяла под свою опеку Наставник-женщина и ее пугающего вида Помощник. Мальчиков увели в другую залу в этом же крыле особняка и первые несколько месяцев они не виделись. Перво-наперво, всем разъяснили общие для всех правила поведения в особняке, нарушение которых будет караться по всей строгости.

Девочкам разрешено было общаться между собой в перерывах между уроками и перед сном, где они познакомились и выяснили, что им всем по десять лет. Единственное, что им запрещалось строго настрого – это называть друг друга по имени. Им вообще велели забыть их прежние имена, как и всю прошлую жизнь со всеми родственниками и друзьями. Теперь им уготовлена новая, лучшая судьба. Вместо имен им разрешалось называть друг друга по цвету платья, которое надето на девочке. Стоит отметить, что прелестнейшие платья подбирались под стать их обладательницам, но всегда одного и того же цвета.

Спали они на жесткой узкой кровати и каждое утро принимали контрастный душ. Для поддержания хорошей физической формы были ежедневные прогулки, несмотря на погоду, уроки фехтования и верховой езды, гимнастика и плавание в крытом бассейне. Велись уроки по этикету, искусству гостеприимства, сервированию стола. В детях воспитывалась учтивость, вежливость, благопристойность. Их учили говорить на любую, даже самую щекотливую тему, прекрасно и без запинок излагая свои мысли. Они изучали иностранный язык, общеобразовательные предметы, а также овладевали искусством рукоделия, живописи, пения, танца, игры на музыкальном инструменте.

Также девочки проходили курс уборки в доме, приготовления пищи и декорации. Их отучали от болтливости, излишней жестикуляции, суеверий. Им прививали осторожность в высказываниях, сдержанность в выражениях, умение внимательно слушать и тихо говорить. Они занимались разведением цветов, собирали гербарии, учились разводить домашний скот.

Им прививали чувство вкуса и стиля в одежде, учили ухаживать за своей кожей, ногтями и волосами. Учили пользоваться косметикой, укладывать волосы в замысловатые прически, «стрелять глазками» и томно вздыхать. Таким образом, складывалось их образование первые полгода. Не сказать, чтоб девочки сильно сдружились за это время, но сплотились – это точно.

Стоит ли говорить о том, как нервировал девочек некрасивый и неприятный Помощник, который наказывал их за малейшую оплошность? Как пугал одним лишь своим присутствием? Как от него мерзко пахло и поэтому все из кожи вон лезли, только бы ни в чем не провиниться, чтобы избежать его приближения для очередного тумака?..

* * *

Ян всерьез и основательно занялся вопросом своего переезда. Пьяная молодежь, что с наступлением тепла устраивала ночные дискотеки под окнами под орущие на всю округу песнями из автомагнитол, или закатывала разборки, а то и драки, лишь упрочнили его желание переехать подальше от городского шума. Он выставил квартиру на продажу и занялся поиском конторы, что занимается срубами домов. Параллельно занимался восстановлением и переделкой документов о собственности земельного участка. И зубы… как бы он не хотел, но порядком подкрошившиеся на зоне зубы требовали основательного ремонта, а кое-где и имплантации. Часто и подолгу засиживался в городской библиотеке, пользуясь интернетом, за неимением собственного в квартире. Помимо информации по строительству будущего дома, он интересовался монастырской жизнью…

София крепко обосновалась в его голове. Больше всего его удивляло неожиданное и, как он признался сам себе, внезапно приятное появление девушки в радиусе его досягаемости. Это

был, пожалуй, единственный человек за всю его сознательную жизнь, который вызвал у него неподдельный интерес и к которому его неудержимо потянуло. Он, положа руку на сердце, сознался, что хочет продолжить и упрочнить их знакомство. С другой стороны, она – лицо духовное и должна отречься от всего мирского. Или не должна? Ростовских озадачился этим вопросом и прошерстил просторы интернета в поисках ответа. Он выбрал несколько уточняющих вопросов, которые задаст ей при следующей встрече. В том, что она состоится, он даже не сомневался – соседи, как-никак.

София тоже не сомневалась, что новоявленный сосед захочет лично представиться игуменье Афанасии. Только ее до сих пор не вернули в монастырь из больницы – оставили в стационаре еще на какое-то время. Тогда девушка решила сообщить эту весть Благочинной, что временно взяла на себя обязанности Матушки-настоятельницы. Она как раз заканчивала обход келий перед ужином, проверяя чистоту и порядок в них. Заметив ее, София припустила следом за ней чуть ли не бегом.

– Сестра Анастасия! Постойте! – окликнула ее несколько громче, чем позволяли правила поведения в монастыре, за что получила укоризненный взгляд строгих карих глаз. София тут же замедлила бег и перешла на шаг. Она держала в тайне эту весть уже несколько дней, не имея возможности лично поговорить с Благочинной, и ее просто распирало от желания ею поделиться. Судачить в монастыре строго настрого запрещалось, на пойманных с поличным накладывали епитимию, потому она не могла сказать об этом сестрам раньше, чем Настоятельнице или Благочинной под страхом прослыть сплетницей.

– Сестра Анастасия, – гораздо тише повторила София, подойдя вплотную. – У меня для вас мирская новость. Прибыл хозяин земельного участка, что соседствует с нашим. Осмелюсь предположить, что вы также возымеете желание познакомиться с ним лично.

– А ты, сестра, выходит, уже знакома с ним? – нахмурилась Благочинная. София смиренно опустила взгляд в пол и сложила руки у груди:

– Я перегоняла овец в день, когда вы с сестрами навещали Матушку-настоятельницу и, проходя мимо, увидела его. Он представился и сообщил, что имеет желание жить здесь, на своей половине участка.

– Ты и молвила с ним без дозволения? Ох, София, София, – сокрушенно покачала головой Благочинная, – от чего ж ты непослушная такая? Ведь сколько раз тебе велено не разговаривать с незнакомцами? Неужто тебе по сердцу снова и снова огорчать меня своей непокорностью?

– Бог с вами, сестра Анастасия! – девушка в порыве раскаяния поклонилась в пояс Благочинной и поцеловала ее теплые морщинистые руки. – Я шла мимо… а человек трудился… я пожелала легкости в труде… и разговор завязался… – сбивчиво начала оправдываться девушка. – Потом принесла ему кувшин молока утолить жажду, он так попросил, и ведро воды с полотенцем, чтобы после смыл пот и грязь с усталого и израненного – я сама видела! – тела.

У Благочинной брови под платок полезли:

– Ты не просто говорила с ним, так еще и разглядывала плоть мужа чужого? Благословляю тебя на сорок земных поклонов, сестра!

– Слушаюсь, сестра, – совсем сникла София.

– Приступай, – Благочинная осенила девушку крестным знаменем и они разошлись.

Софии всегда казалось, что старшие сестры относятся к ней гораздо строже, нежели к остальным послушницам. Сначала она росла в православном детском приюте, потом возвели Боголюбский Воскресенский монастырь и ее перевели сюда. По возрасту, она не подходила стать монахиней, и даже не готовилась принять постриг, однако долгие годы ее настраивали и готовили для монашеской жизни. Может, от возложенных на нее больших надежд ответственно нести знамя черного духовенства в будущем к ней и относились с повышенной строгостью?

Девушка размышляла над этим, пока сестры ужинали, а она, стоя в центре трапезной, делала земные поклоны, как отжимания: упала – лбом об пол – подскочила. Выполнив все сорок, она присоединилась к остальным.

За ужином Благочинная прилюдно объявила о новом соседе и всем запретила вступать с ним в словесный контакт до тех пор, пока сама Анастасия не познакомится с ним и не убедиться, что он человек светлый, не имеющих дурных помыслов.

– В словесный нельзя, а глазками пострелять можно, – тихо-тихо шепнула сестра Дарья на ухо Софии.

Девушки – есть девушки. Даже в духовном мире послушницы, особенно молоденькие, заводят близких подруг и секретничают. Дарья и София были самыми молодыми в монастыре, потому и сблизились. Дарья – ребенок из неблагополучной семьи, тоже с детства отдана в приют, а затем перешедшая в монастырь. Она на два года младше Софии и отличалась легким характером, светлыми помыслами, никому никогда не желавшая зла. Этакая девчонка болтушка-хохотушка с блестящими, лучистыми зелеными глазами.

София же, напротив, была больше молчаливой и задумчивой. Любила нести послушание в одиночестве, например, работая со скотом или таскать воду для всех на целый день – заведенного водопровода в само здание не было. Дарья же не переносила одиночества. Петь на клиросе, вместе готовить пищу в трапезной, даже печь просфоры – все, что угодно, лишь бы не оставаться одной. Игуменья знала и учитывала особенности девушек, назначая им послушания по душе. Но за проступок могла и Дарью оставить на целый день одну в огороде, а Софию определить в самое людное место.

Матушка-настоятельница, как и старшие сестры, знали об их тесной дружбе и закрывали на то глаза, пока она не выходила им боком. Когда у послушниц было свободное время перед сном, они делились друг с другом мыслями и переживаниями за прошедший день. София поддавалась озорному настроению жизнелюбивой подруги и ее аутентичность на время уступала место такому же смелому и бойкому взгляду на саму жизнь. В один из таких теплых вечеров девушки, взяв в библиотеки Писания святых Отцов, расположились во внутреннем дворике под предлогом почитать. Вот тогда София откровенно описала Дарье во всех подробностях ее встречу с загадочным соседом и теперь уже не только она ждала его возвращения с нетерпением. Появление нового человека в этих уединенным местах считалось целым событием!

Глава 6

Спустя полгода Наставница объявила о значимой и очень важной встрече для всех без исключения. Под строгим надзором каждая девочка тщательнейшим образом наряжала и прихорашивала себя к событию. Все волновались, вспоминали и повторяли приобретенные знания и умения, чтобы не ударить в грязь лицом.

В назначенный час заиграла торжественная музыка, двери распахнулись, и девочки стройным рядком выплыли в торжественную, бальную залу, ослепляющую своим богатым убранством. Начищенный до блеска паркет, тяжелые шторы, канделябры с зажженными свечами, помпезные стулья и диваны, белый рояль – все кричало о богатстве и роскоши. По периметру этой необъятной комнаты находилось пять дубовых дверей: через одни зашли девочки, из соседних дверей появились некогда знакомые им мальчики, также во всем блеске и великолепии. Наставники выстроили всех детей в одну линию и развернули их лицом к центру комнаты.

Открылись двери, противоположные уже открытым, и сначала залу заполнил удушливый смрад. Некоторые дети поморщились, за что сразу получили подзатыльник от Помощников. Потом из одной двери в зале начали появляться неописуемые уродцы женского пола, если судить по платьям на них, а из другой – такие же мальчики. Они подходили к уже выстроившимся детям хромая или волоча за собой лишнюю конечность, хрюкая или пыхтя от усердий совладать со своим скособоченным, уродливым телом. Кто-то из них пускал слюни за неимением губ и щек удерживать их во рту; у кого-то несоразмерно длинные, кривые и острые зубы торчали в разные стороны, мешая сомкнуть рот, откуда толчками вырывалось зловонное дыхание. Одна горбатая девочка при ходьбе опиралась на свои же чересчур длинные руки. У кого-то все тело было покрыто бородавками, а руки и ноги напоминали корни дерева. У одного ребенка голова была сильно заужена к верху, отчего произошла деформация всех черт лица и глаза смотрели в стороны, как у рыбы. У одного мальчика на спине был панцирь, как у черепахи, у другого – костяные наросты на голове, от чего та увеличилась в размере раза в три. Одеты эти уродцы были в рваные, грязные лохмотья. Источали удушливое зловонье помоев, дерьма, резкого и сильного запаха пота – все вперемешку.

Их выстроили на расстоянии вытянутой руки напротив детей с ангельской внешностью. Воцарилось молчание, даже музыка перестала звучать. У уродцев также были свои Наставники такой же скверной внешности, и их Помощники, в противоположность им – красивые. Все учителя внимательно наблюдали за реакцией своих учеников. Гробовая тишина угнетала.

Вдруг одного из красивых мальчиков вырвало от одного вида этих ужасных созданий прямо в проход между детьми. Как бы он не пытался сдерживаться, рвотные позывы волнами накатывали на него, пока желудок не опустел. А одна девочка с опухолью на все лицо, в складках и наростах которой был виден один глаз и где-то внизу обозначался рот, всхлипнула и громко зарыдала в голос, закрывая лицо руками. Она упала на колени и согнулась в три погибели, пряча свое уродство от столь красивых детей. Помощники вывели этих детей и больше их никто не видел…

* * *

Рев моторов, почти непрерывные сигналы клаксонов, крики, визги, улюлюканье и еще кучу непередаваемого шума устроили мотоциклисты в честь бракосочетания мототоварищей, что выходили из дверей ЗАГСа. Затем все дружно поехали кататься по городу и делать памятные снимки у разных достопримечательностей. Ян наблюдал, как все резвятся, как маленькие, ей-богу, отмечая значимое событие. Погуляв по городу в ясный летний день и запечатлев все на фотоаппарат, они всей гурьбой отправились на базу отдыха отмечать. Счастливая Инна в

белом облачении ехала на своем белоснежном мотоцикле; Беркутов, как обычно, в черном, на таком же байке. Их друзья и соратники на ярких блестящих моторах со своими веселыми спутницами. Ростовских ехал в машине с подругой сестры – Ириной, сдержанной молодой женщиной, которая не лезла к нему с разными расспросами или пустым трепом, и на том спасибо. Яна эта приятная женщина оставила равнодушным, в отличие от новости, которую озвучил ему Беркутов пару недель назад.

Он тогда приехал один к Ростовских, чем уже сильно удивил его. Захар не спрашивал позволения или согласия у Яна, он просто твердо объявил о своих намерениях на Инну, права на которые хочет узаконить. Решительно и безапелляционно поставил Ростовских в известность, выразив надежду на то, что их мужские взаимоотношения наладятся, если не ради поиска панибрата в лице друг друга, то ради женщины, которую они оба любят. Надо сказать, Яну импонировало уверенное поведение будущего зятя. Он понимал, что когда-нибудь Инна захочет завести свою семью, и желал лишь одного – чтобы ее спутник оказался достойным волевым человеком, способным ее защитить. Да, однажды Беркутов накосячил в плане ее защиты, причем жестко, еще один прокол, и он будет иметь дело лично с Ростовских. Мужчины пожали друг другу руки, скрепив тем самым свои обязательства.

Потом вышли на балкон, Зак с чаем, а Ян с молоком, закурили, и снова Ростовских был удивлен неожиданным поворотом в их беседе. Беркутов спросил, и не просто для галочки, а участливо поинтересовался, как протекает адаптационный период. Поделился своими воспоминаниями, насколько ему тяжело и хреново было и как сильно Инна помогла тогда, сама того не сознавая. Зак предложил свою помощь и поддержку, если понадобится, заверил, что тот может рассчитывать на него в случае чего. В таком доверительном ключе протекала их, окутанная сигаретным дымом, неспешная беседа теплым вечером.

Вот и сейчас, сидя в машине, которая везла его на весь уикенд к берегу озера отмечать столь значимое событие в жизни его любимой сестренки, Яна вдруг посетили мысли о собственной несостоятельности в жизни и как следствие невозможности заведения своей семьи. Кому он такой нужен с его-то темным прошлым?.. хотя… здесь даже, скорее, по-другому – вряд ли ему кто-то нужен, чтобы дожить свой век… Конечно, в старики его рано списывать, но и тридцать шесть начинать жизнь с чистого листа не получится. Потому, он и не рассчитывал на что-то большее, чем просто подруга для тела, такая, чтоб не утомляла пустой болтовней. Чем старше человек становится, тем сложнее сходится с людьми. В его случае это началось без поправок на возраст. Если уж совсем откровенно, он всегда мечтал иметь рядом одну единственную женщину, такую, чтоб понимала его с полуслова, с полувзгляда, но, видно, этим мечтам так и суждено остаться лишь мечтами. Однако довольно об этом. Сегодня праздник Инны, и Ян не собирался портить его своей угрюмой от невеселых мыслей мордой.

Шумное застолье перетекло в не менее веселые шутовские конкурсы и пляски. Все веселились, провозглашали искренние тосты и от души радовались за молодых. Лишь глубокой ночью, когда подвыпившие гости стали делиться на кучки по интересам, Ян смог незаметно для всех выйти на пирс, подальше от громкой музыки и наконец-то, оставшись один, спокойно закурить, пуская струи дыма в темное звездное небо над головой. Докурил, но возвращаться не спешил. Засунул руки в карманы джинсов. Чуть откинул голову назад и вглядывался в темную даль над гладкой поверхностью воды. Тонкие руки обняли его за пояс, и миниатюрное тело прижалось к его спине.

– Тебе невесело. Ты устал, – резюмировала сестра.

– Мне было весело, а теперь устали все, – он успокаивающе погладил ее руки.

– Это точно! Мотоциклисты, они такие – гулять – так гулять! Ничего не делают в полсилы. Ты, кстати, часом, не надумал сесть на байк? – Инна выглянула из-за его плеча, пытаясь разглядеть лицо. Ростовских хмыкнул:

– Это не моё.

– А что твое? – ухватилась девушка за мысль, развивая беседу. Ян раскусил уловку сестры, но не был настроен углубляться в описание своих невеселых дум, посетивших его еще днем, и уж тем более не собирался грузить ими виновницу торжества. Он развернулся в кольце рук Инны, и обнял ее за плечи:

– Тебе всегда удавалось выведать у меня все секреты. Еще в детстве, когда новогодние сладкие подарки были припрятаны в шкафу, ты умудрялась выпытать у меня, где именно, чтобы тщательно изучить содержимое пакетов и распланировать, какие конфеты съешь в первую очередь, а какие оставишь на потом.

Инна улыбнулась этому воспоминанию:

– А когда мама замечала, что упаковка раздербанена, ты всегда прикрывал меня и говорил, что хотел украсить ее получше, но … увы и ах!

Они предались тем редким счастливым, где-то проказливым воспоминаниям из детства, усевшись прямо на пирс плечом к плечу.

– Ян, я переживаю за нас… Что будет дальше? – вдруг поменяла тему Инна.

– А я, наоборот, спокоен. Ты в надежных руках. Беркутов умрет, но сделает тебя счастливой…

– Этим-то он как раз меня не осчастливит.

– … так что перестань забивать себе голову всякой ерундой и сосредоточься на своей семье.

– А как же ты?

– И я могу сосредоточиться на твоей семье, только вряд ли ты обрадуешься моему вмешательству, – пошутил Ян.

Инна качнулась в его сторону, несильно толкая плечом.

– Ну, правда. Что будет с тобой?

– Хорошо все будет. Даже не сомневайся.

– Я люблю тебя, брат, – девушка положила голову на его плечо.

– И я тебя, маленькая.

– Знаешь, он хороший человек. Он позаботиться обо мне.

– Знаю.

– И любит меня также сильно, как и я его.

– Знаю.

Но на все тихие заверения брата Инна никак не могла отделаться от беспочвенного чувства вины перед ним, будто она предает его, оставляя одного, а сама заводит семью. Предательская слеза скатилась по щеке, она шмыгнула носом.

– Полно тебе, маленькая. Разве так встречают новую жизнь? Ну? – даа… успокоитель из него так себе. Хотя они оба понимали, что Инна переполнена избытком чувств, потому и расплакалась на ровном месте.

Следующий день свадьбы прошел более спокойно: суматошная шумиха сменилась размеренным теплым деньком с посещением бани, купанием в озере и поглощением еды с живого огня.

Прошел почти месяц со дня его посещения деревни, когда Ростовских приехал с бригадой рабочих на грузовике разгребать мусор с участка. На этот раз несколько женщин гораздо старше Софии в черных одеяниях от макушки от пят копошились в огороде. По приезду, он направился к ним представиться – как-то нехорошо будет испугать старушек своим внезапным появлением. Так как не было никакого разделительного забора, он беспрепятственно проник в их огород.

– Приветствую, – поздоровался он с первой попавшейся бабулей. Та испуганно вскинулась на него и чуть ли не шарахнулась. – Я ваш сосед, Ростовских. Пошумлю тут немного, надеюсь, не помешаю, – не получив никакой обратной реакции, он развернулся и ушел. Может

у них обет молчания или еще какая мутотень? Ладно. Проехали. У него и так немало работы, чтобы еще гадать о странной реакции на него.

Вывезти весь мусор за раз не удалось, как он рассчитывал. Пришлось работать в два подхода, и пока он ждал возвращения машины, расположился в тени вблизи стоящего дерева на перекус – в этот раз он подготовился. К концу его нехитрого обеда подошла женщина, понятно, в черном. Ян поднялся навстречу в знак уважения.

– День добрый. Меня зовут сестра Анастасия. Я временно замещаю Матушку-настоятельницу в нашем монастыре, – представилась женщина преклонных лет со строгим лицом, прорезанным глубокими морщинками. – Пришла засвидетельствовать свое почтение вам, как… новому соседу?..

– Верно, – кивнул Ян и почувствовал себя неуютно под пристальным разглядыванием монахини. День был жаркий, и он скинул рубашку, выставляя на обозрение свое покоцанное тело. – Меня зовут Ростовских Ян, и я намерен отстроиться на своей половине участка заново и жить здесь. Возможно, вы захотите разделить участок забором – давайте обговорим этот вопрос.

– Никакой забор не спасет от злых умыслов, потому и живем мы открыто, ни от кого не таясь и никого не отдаляя от возможности приобщиться с божественным.

Ян еле сдержался, чтобы демонстративно не закатить глаза.

– Как хотите, – пожал плечами. – Лето обещает быть жарким, и если меня не будут смущаться ваши… эээ… воспитанницы, можно и без забора.

Монахиня снова окинула его придирчивым взглядом мудрых карих глаз, безошибочно определяя, в каком виде он собирается трудиться.

– Здесь долгое время никого не было. Могу я поинтересоваться, откуда вы прибыли?

– Из мест не столь отдаленных.

Она слегка нахмурилась:

– У вас есть семья? Супруга? Дети?

– Я один.

– Друзья?..

– Не так, чтобы…

– Животные?

– Планирую завести.

Сестра Анастасия еще раз окинула его взглядом и теперь в ее глазах Яну почудилась жалость к его одинокой судьбе. В подтверждение этой неприятной догадки она выдала на прощание:

– Вы всегда можете обратиться за помощью к Богу и двери нашего, хоть и женского, монастыря всегда открыты для страждущих и нуждающихся. Храни вас Бог.

Глава 7

Со всеми детьми, как с «ангелами», так и с уродцами, провели поучительно-назидательную беседу, чтобы впредь они вели себя в соответствии с их воспитанием и обучением, ибо в будущем им предстоит заниматься всем вместе. В тот памятный день многие ребята испытали настоящий шок от увиденного, и теперь им предстояло как-то пересилить свою брезгливость или зависть – оба эти чувства были одинокого сильны.

Следующим испытанием на прочность стал объединенный обед. На нем девочки показывали свои умения сервировать стол и подбирать яства, а мальчики вели себя, как радушные гостеприимные хозяева, ухаживая за девочками. Чуть позже привели уродцев, которые, судя по всему, не учили как правила приличия, так и элементарный этикет. Последние просто плюхнулись каждый на свое место и начали поглощать все без разбора предложенные блюда, не соблюдая последовательность. Наставники и Помощники сидели во главе стола и строго поглядывали на учеников, стоит кому-то слишком затянуть паузу в светском разговоре или высказаться непозволительно резко. Но это касалось только красивых детей, которых обучали правилам поведения за столом. Уродцам же до обидного позволялось все, кроме дерзости.

Когда одна из прелестных девочек заводила непринужденную беседу о результатах недавно прошедших скачек, только мальчик, подобный ей, мог поддержать беседу. И очень трудно было делать вид, что не обращаешь внимания на то, как мальчик напротив, без носа и рта, грязными руками прямо в тарелке толчет изысканное блюдо, превращая его в однородную кашеобразную массу для того, чтобы класть его в черное отверстие в основании шеи и проталкивать по пищеводу внутрь. Очень сложно контролировать, ровное звучание голоса при виде того, как девочка своими клешнеобразными кистями пытается положить в рот хоть что-то из еды, за невозможностью пользоваться столовыми приборами.

Одна девочка с карими лисьими глазками, длинными густыми ресницами и очень чистой и гладкой кожей и не могла заставить себя не смотреть на сидящего напротив нее мальчика с такими чертами лица, словно их сильно нагрели, и они, расплавившись, стекли по лицу. Он, замечая ее подглядывания, начал есть неряшливее прежнего, фыркая и брызгая слюной во все стороны, позволяя еде вываливаться изо рта, облизывать грязные пальцы и срыгивать остатки пищи прямо на стол перед собой. Он делал это специально, вынуждая ее проиграть борьбу со своими же рвотными позывами, и добился своего: девочку стошнило, едва она успела выскочить из-за стола и отбежать в угол. Ненавязчивая беседа прервалась, а мальчик-провокатор загоготал во всю глотку, перемежая членораздельные звуки со словесными оскорблениями, побужденными завистью к ангельской красоте, в адрес девочки. Всегда сдержанные и чинные Наставники поднялись и вывели этих двоих из залы. Больше их не видели…

* * *

Квартира продалась довольно быстро, и остро встал вопрос, где жить следующий год до окончательной постройки дома? Кроме того, Ян нуждался в автомобиле, и чем работоспособнее будет лошадка, тем лучше. Не тратя время на лишние размышления, он решил нанести визит Беркутовым, тем более, до сих пор у них не был.

Половину огромной территории, куда прибыл Ян, занимала автомастерская. Позади нее стоял дом и сбоку от него был заложен фундамент под еще один. Ростовских направился в мастерскую, смекая, что найдет зятя именно там. В полумраке гаража он тормознул, позволяя глазам привыкнуть к относительной после яркого солнечного света темноте. Огляделся: всевозможные станки и специальное оборудование заполняли просторы гаража. Легковые и грузовые машины, в полу разобранном состоянии или откровенно битые, стояли повсюду, куда ни глянь. Было и несколько мотоциклов, куда без них?

Безошибочно определив рабочее место мастера, Ян побрел на звуки рок музыки. Но вместо Беркутова он увидел старика, по пояс занырнувшего под капот автомобиля.

– Приветствую! – позвал Ян, привлекая к себе внимание. Старик выпрямился и посмотрел на него своими мудрыми, много повидавшими на своем веку глазами. Губы под седой щеточкой усов расползлись в улыбку, и он довольно крякнул:

– Неужто ты и есть тот самый Ян? – проскрипел он прокуренным голосом. – Инна много о тебе рассказывала. Вы похожи, да. – Ростовских вглядывался, но не мог узнать старика. – Да ты не тужься, все равно не признаешь. Я – Ксан Ксаныч, Механик. Да, да, тот самый дедок, что присматривал за твоей малышкой, пока ты там прохлаждался, – беззлобно поддел тот Яна. Они были заочно знакомы через Инну и вот, наконец, встретились лично. – Рад видеть тебя, парень! – тепло поприветствовал Механик и не просто пожал руку, а по-отечески обнял Ростовских.

– Мне стоит поблагодарить вас за то, что приглядывали за Инной, и за то, что помогали вытащить меня.

– Да, – отмахнулся он, – если б с пользой, а то так… – махнул рукой. – Ты лучше расскажи, чем сейчас живешь?

– Строительством. Пока себе, а дальше заказы надо находить.

– Что колотить намерен?

– Избушку.

– В городе?

– Увольте. Не выношу суматоху. В деревне, где в детстве с Инкой жили, хочу строиться. Фургон нужен, возить стройматериалы и все такое. Вот и ищу Беркутова, чтоб с ним потолковать. Он человек грамотный в этом вопросе, чай, плохого не посоветует. Тем более родственники, как ни как.

– Они в доме обедают, – махнул рукой за спину. – Найдешь дорогу?

– Разберусь, – улыбнулся Ян и отчалил.

Ростовских зашел в небольшой каменный дом и через сени, где снял обувь, оказался в прихожей, отгороженной перегородкой от кухни, судя по вкусным запахам. Подобная же перегородка отделяла зону кухни от комнаты. Все стены, как несущие, так и импровизированные, чудесным образом были разрисованы какими-то волшебными пейзажами с невиданными животными. А в кухне… Беркутов вплотную стоял между широко разведенных ног Инны, которую усадил перед собой на стол, и жадно целовал свою жену. Та обвила его за пояс ногами, зарылась руками в его длинную темную шевелюру и не менее страстно отвечала.

– Я могу зайти попозже. Судя по всему, десяти минут вам хватит с лихвой, – вторгся в их интимное общение Ростовских. Молодожены тут же прервались и посмотрели на него: Инна, заливаясь краской смущения, а Зак – с наглой довольной ухмылкой.

– Ты мне льстишь! Пять бы продержаться! – лениво отшутился Беркутов. Оправил одежду Инны, помог ей слезть со стола и подошел поприветствовать шурина.

– Привет, родной, – пришедшая в себя Инна поцеловала брата в щеку и тут же засуетилась. – Мой руки и садись за стол, отобедаешь с нами.

Спорить бесполезно, потому Ян безропотно подчинился.

– Мне нужен фургон. Типа как у тебя. Рабочая лошадка, в общем. Ты в них шаришь, поможешь подобрать? – за обедом спросил Ян Захара.

– Не вопрос. Когда надо?

– Вчера.

– Поищу, – усмехнулся Зак.

– Бюджет ограниченный, сам понимаешь. На новый не претендую, главное, чтоб в рабочем состоянии.

– Понял.

Неожиданно быстро Зак, за те две недели, что даются на съезд из квартиры после заключения сделки, приобрел Яну неплохой пикап и довел его до ума своими мастерскими руками. Денег за ремонт, понятно, не взял. Тогда Ян предложил спроектировать им дом, фундамент для которого уже залит. На том и порешили.

Ростовских не практиковался в вождении несколько лет, но довольно быстро вспомнил все навыки. Приобрел вагончик ко времени окончательного съезда из квартиры и перевез туда минимальный набор необходимых ему вещей. После переезда тихим теплым вечером он сидел в корнях дерева напротив своего участка, откинувшись на его ствол, и курил, согнув ногу в колене и положив на нее руку с сигаретой. С глубоко запрятанной гордостью в стальных серых глазах он лицезрел первые шаги в свое безоблачное будущее.

Ян уже заказал сруб в конторе на самом севере области, и ему повезло отхватить остатки зимнего леса. Со дня на день он ожидал геодезиста, который поможет определить состав земной поверхности на участке, а дальше Ян сам разберется, где и что ему прокладывать и строить. Специалист выложил ему весь расклад, и Ян прокопал скважину в нужном месте. Вокруг залил фундамент и сложил привезенный сруб. Теперь нужно завести стены под крышу и дать отстояться год. А пока провел электричество к участку и в вагончик, приобрел инструмент и сколотил для его хранения сарайку. Купил обычную косу и активно скашивал высоченную траву с участка. Трудился он в одних рабочих джинсах с голым, уже подзагоревшим торсом, и то и дело ловил на себе любопытные взгляды богобоязненных тетушек-соседок. Еще Ростовских взбрело в голову держать кур и козу, и для них нужно построить какое-никакое укрытие от непогоды. В общем, дел невпроворот.

Он нырнул в них с головой и весь месяц что-то привозил, колотил, собирал, устанавливал с таким рвением, будто от этого зависела его жизнь. Он упивался этим трудом, не разгибая спины от рассвета до заката, а потом, как убитый, без задних ног спал в вагончике под звуки мертвой тишины загородной жизни. Так он и жил в своем вагончике в аскетичных условиях: диван, плита с чайником, маленький холодильник, рукомойник, стол и два стула – на одном сидеть, другой заменял шкаф. Мыться он ходил в небольшое проточное озеро за деревней. Как бы сестра не противилась переезду Яна в эту глушь, переубедить его не смогла, а потому два раза в месяц она привозила ему чистое постельное белье и кое-что из домашней стряпни, а грязные вещи забирала в стирку.

Только когда сруб был заведен под крышу, скважина исправно работала и была утеплена на холода, только тогда Ростовских подсбавил обороты и позволил себе небольшую передышку. Словно опаздывая, бежал на поезд, заскочил в последний вагон уже тронувшегося состава, и теперь, сев на свое место, мог спокойно перевести дух. Синоптики спрогнозировали сухую погоду на всю неделю, потому он купил пять кур и молочную козу, и неспешно занялся постройкой жилища для них и проектировкой дома Беркутовых, учитывая все их пожелания.

Он составил список материалов для курятника и козлятника и с самого утра съездил в город в строй магазин. Когда колотил «будку», увидел Софию, кстати, впервые за все длительное время. Забор между участками так и не появился, а потому куры свободно бродили, где им вздумается в поисках пропитания. Козу только Ян привязывал, чтоб не поедала монастырскую капусту. Ростовских накинул на плечи рубашку, дабы не смущать девушку, и по примеру кур пересек границы участка и подошел к ней. Она сидела на корточках возле картофельного куста.

– Здравствуй, София.

Она подняла на него взгляд своих бездонных небесных глаз, и что-то беззащитное просквозило во всей ее позе с запрокинутой головой, глядящей на него снизу вверх.

– Здравствуйте, Ян, – полные губы сложились в полуулыбку.

– Давно тебя не видел. Ты отлучалась?

– Нет. Просто… – она снова опустила голову и продолжила собирать колорадских жуков в баночку, что держала в руке. – Мне не велено разговаривать с незнакомцами.

– Похоже, не тебе одной, – ворчливо вставил свои пять копеек Ян.

– Вы не серчайте. Дело в том, что Матушка-настоятельница не так давно вернулась из больницы, а потому еще сама лично с вами не знакома. Наверняка, скоро ваше знакомство состоится, а уж после того, как она убедится в неопасности с вашей стороны, разрешит и всем остальным сестрам вести с вами беседы.

– Все еще непоколебимо веришь в мою доброту?

Девушка прямо посмотрела на него:

– Да, – уверенно ответила она. Потом скосила глаза на пса, который, виляя хвостом, трусил к Яну, и хитро добавила, – к тому же, мне подсказывают. – Он потрепал пса по загривку, и сел перед девушкой на корточки.

– Что ты скажешь на то, что я четырнадцать лет отсидел на зоне? Ты знаешь, что это такое? Хорошие люди в это адовое место не попадают, – тихо спросил и прищурился на нее Ростовских. Он вдруг четко осознал, насколько ему важен ее ответ, изменится ли теперь ее приветливое отношение к нему.

– На все воля Божья, – снова этот прямой тяжелый взгляд. – Коли Он так наказал вас за свершенный проступок, то вы сполна прошли отмеренную епитимию, раз теперь вы на свободе.

– А что, если не я был виноват, а лишь покарал по-настоящему виновного человека, из-за чего меня и посадили? – не унимался Ян.

– Кто знает, кого по-настоящему считать виновным? Ему всегда виднее и яснее.

– Тем не менее, мирское зло совершил другой, а расплачивался за это я. Где здесь справедливость? Куда смотрел ваш бог? – Ян пытался пошатнуть ее слепую веру в благие деяния Всевышнего, и, возможно, спасти от заблуждений. Девушка сместилась к следующему кусту.

– Пути Господни неисповедимы, и порой нам может казаться, что в его поступках до обидного нет справедливости или смысла, но это не так. Он все знает лучше нас и лишь Ему ведомо, когда и как вернее всего вершить деяния. А мы, простые смертные, лишь много позже можем узреть истинный смысл Его замысла.

– Выходит, человек, что погиб от моей руки – это тоже его замысел?

– Конечно. Значит, он выполнил свое предназначение на бренной земле, и пришло его время отдать свою душу на суд Божий, – она отправила очередного жука в баночку и в упор посмотрела на него, – или Господь сам прибрал его, дабы не свершал он более злодеяний, тем самым защитив от него остальных детей своих.

«Скорее это» – поддакнул про себя Ян.

– Допустим. А как ты объяснишь исковерканную судьбу младшей сестры, над которой этот… кхм… – он вовремя прикусил язык, – почти надругался?

– Кто я такая, чтобы критиковать Его помыслы? – вопросом на вопрос ответила девушка.

– Пусть так, но ты, как лицо, приближенное к нему, должна уметь выискивать смысл? – допытывался Ян.

– Бог каждому дает по силе его. То, что произошло с вашей сестрой, сделало ее сильнее и мудрее. Ему нет надобности насильно умерщвлять детей своих, а потому Он посылает лишь те испытания на долю каждого, что он осилить сможет.

Яну все интересней и интересней становилось дискутировать с Софией.

– Незаслуженный кризис, что обрушился на отца еще в моем детстве, отобрав все нажитые непосильным трудом блага, тоже кого-то должен был сделать сильнее? Но не сделал! Отца он сломил, а следом и мать скончалась!

– Стало быть, то нелегкое время было дано, чтобы сделать сильнее вас, Ян. Чтобы вы поняли, что для счастливой жизни вовсе не обязательно иметь все ценности земного мира. Для этого достаточно быть свободным. Кому, как не вам, теперь известно истинное значение этого слова? Не только тюрьма отнимает свободу у человека, но и все материальные ценности, что окружают его. Чем больше человек их имеет, тем больше он зависим от этих благ. Он и сам не

замечает, как становится узником своего комфорта. У вас был живой пример перед глазами, и вы, даже будучи ребенком, смогли осознать это, иначе сейчас бы вас здесь не было. Тот период не прошел бесследно для вас, и теперь вы становитесь по-настоящему свободным человеком.

Ростовских ненадолго задумался. Ему никак не удавалось переубедить ее в присутствии во всем справедливого провидения, и она находила ответы на любые его каверзные вопросы.

Девушка сместилась еще чуть дальше. Солнце нещадно припекало, а она вся в черных тяжелых одеждах. При такой жаре свихнуться можно. Поле не маленькое, и, если так осматривать каждый куст, то не факт, что и за целый день управишься.

– Почему бы просто не обработать кусты от жуков специальным раствором?

– Матушка Афанасия не допускает попадания химикатов на вершки, а через них в корешки и на наш стол. Получается «нечистая» отравленная пища.

– Но вручную собирать жуков на солнцепеке, еще и при полном параде – это ж адская работа!

– Ничего подобного в Божьем промысле нет, – София чуть нахмурилась, и Ян понял, что перегнул палку. – Это послушание учит смирению и покорности, кротости и упорному труду. И потом, коли мне поручено это послушание – значит, я с ним справлюсь.

Слишком по-взрослому и мудро рассуждала эта малютка, и Ян засомневался в ее нежном возрасте.

– Сколько тебе лет?

– В день нашей первой встречи мне исполнилось двадцать пять.

«Совсем малышка. Что ж ты прозябаешь в этой богадельне?»

– Что ж тебя оставили в тот день совсем одну? – заглядывая в ее лицо, спросил Ян.

– Мне было суждено встретить вас, – улыбнулась ему София. Об очередной епитимии за ту встречу, она предупредительно умолчала.

Ян, заметив приближение человека, еле оторвал голодный взгляд от ее чистого свежего лица, и перевел его за ее спину. Старушка Божий одуванчик, спешила к ним. Ян встал с корточек.

– День славный! – поздоровалась престарелая монахиня с такими же яркими, пронзительно голубыми глазами. На секунды ему закралась мысль, уж не родственница ли она Софии? Монахиня еле доставала укутанной в черный платок макушкой ему до плеч. – Я – Матушка-настоятельница этого монастыря Афанасия. Вы должно быть наш сосед? – Ян кивнул. – Не откажите нам в любезности разделить наш скромный ужин сегодня в семь пополудни?

Ростовских смекнул, что от них не отстанут, и будут повсюду преследовать, дабы не допустить праздных разговоров, пока он лично не предстанет на суд их старшей. Он кивнул:

– Я приду.

– Будем счастливы! Сестра София, помоги сестре Александре подготовить праздничный ужин и потом накрыть на стол.

Глава 8

В помещение, где был бассейн, установили несколько джакузи. Одинаковой обязанностью всех ангелоподобных девочек и мальчиков было наполнить ванну теплой водой, добавить душистую пену и морскую соль. Наставники приказали всем мальчикам лечь по двое в ванну, а всем девочкам, раздевшись догола, омыть их с особой тщательностью. Тогда девочки впервые столкнулись с возбужденным состоянием генитальных органов мальчиков. После омовения, поменяли воду и теперь уже мальчики нежно мыли девочек, по приказу Наставников уделяя повышенное внимание сосредоточению их чувствительности между ножек, ощутив там влагу особой консистенции. Все это происходило под пристальным наблюдением всех уродцев, которые сидели в этом же помещении, смущали их и смущались сами.

Далее воду снова поменяли, надушили ингредиентами, и уродцы поменялись местами с красивыми детьми. Обнаженные они выглядели еще омерзительней, чем в одежде: угловатые кости обтянуты серой кожей, выступы или, наоборот, впадины там, где у нормального человека их нет, уродливые новообразования и лишние конечности ужасали! Пожалуй, это было их первое мытье за длительное время. Вода стала невообразимо грязной, ароматизированные пены не могли перебить смрад дерьма и пота. Воду меняли несколько раз, всерьез намереваясь отмыть грязнуль.

Девочка с телом и лицом, полностью покрытыми короткими жесткими волосами, мыла мальчика со сросшейся головой без туловища, его недоразвитого сиамского близнеца, с нескрываемым отвращением на лице. Ему приходилось постоянно поддерживать свою голову, иначе она грозилась перевесить и опрокинуть его в воду. Так и случилось, стоило тому разомлеть от теплой воды и расслабиться. Девочка, вместо того, чтобы помочь тому встать, придержала его под водой, и он захлебнулся. Еще немного подождав для надежности, она навела панику, сделав вид, что она не причем, и так само произошло. Женщина-Наставник с тяжелым подбородком, массивной челюстью, огромными мешками под глазами, мужеподобного телосложения подошла убедиться в правдивости слов своей ученицы. Уточнила, может ли подтвердить ее слова другая пара уродцев, что совместно с ними принимала ванну. Те неуверенно закивали. Тогда Наставница велела им освободить ванну, а волосатой девочке, наоборот, сесть в нее. И сама лично, своей же рукой схватив ее за шею, погрузила под воду к уже мертвому мальчику, и дождалась, когда стихнут ее предсмертные конвульсии. Затем она громко объявила, что эта безответственная девочка понесла наказание за нарушение правила, которое гласит «не причинять вреда друг другу», и к тому же солгала. Лжесвидетели перепугались насмерть, но в это раз их обошла страшная кара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.